

|

Знакомство с героем

Дмитрий Николаевич Торопкой относился к той категории людей, которые любые жизненные удачи встречают с опаской и подозрением. Такие люди, если доведется им вступить в белую полосу своей жизни, прежде всего вспоминают о том, что в нашем мире все проходит, и проходит обязательно с последствиями. Скоро и неминуемо, размышляют они, тоскливо глядя на то, как им восхитительно везет, скоро вслед за удачей приползет черная полоса, и станет она наказанием за беспечно принятые от слепой удачи подарки.

Если в какой-то из дней у Дмитрия Николаевича дела начинали двигаться слишком гладко, то он настораживался, водил по сторонам носом, был вспыльчиво зол и ждал неприятностей. Они никогда не заставляли себя ждать долго.

Наоборот же, когда день не ладился и плохие новости сыпались на седоватую голову Дмитрия Николаевича с возрастающей интенсивностью, Торопкой лишь покрывал, потирал руки и излучал уверенность и собранность знающего что делать человека.

Говоря проще, в тот день, когда имплантат под уверенными руками Дмитрия Николаевича вместо того, чтобы стать на место верхнего шестого зуба, взял и продавился пациентке, крепкой женщине лет шестидесяти, в гайморову пазуху, Торопкой даже не удивился, только скосил глаза на ассистентку Марину, невозмутимо орудующую слюноотсосом во рту у больной. Марина спокойно, будто так и было задумано, взяла со стола и подала Торопкому щипцы.

Дмитрий Николаевич чертыхнулся и прикинул, на какую сумму он вот так сходу уже попал. Минус стоимость имплантата, минус стоимость работы, минус стоимость нового имплантата, снимок, вскрытие полости, зашивание, заживление, новое приживление. Хорошее начало дня, ничего не скажешь. Глядя, как потеет ничего не подозревающая пациентка и усердно разевает свой усталый рот, Дмитрий Николаевич размышлял над тем, что маски на лицах у врачей – это не просто решение вопроса асептики. Маска – отличный способ сохранить лицо, это самое лицо потеряв. Ведь как просто хирургу не подать виду, что операция пошла не так, когда на лице у него стерильная стена профессиональной врачебной тайны. Коротко говоря, маска – это мудро и своевременно.

Имплантат зацепился в пазухе и не поддавался.

Денег было откровенно жаль. Тем более их было жаль, что они не только уже были подсчитаны, но и мысленно потрачены. В голове Торопкого мелькнуло видение – медового цвета виски в низком толстом стакане, ведерко со льдом и кусок мраморного стей-

ка. Виденье мелькнуло и растворилось в раскрытом кровавом рту пациентки.

Имплантат не вытаскивался. Развороченная верхняя челюсть смотрела на врача осуждающе, сама пациентка косилась с мольбой и испугом.

Дмитрий Николаевич устал и сдался. Стыдясь собственного малодушия, он зашил десну и велел приходить через неделю, когда рана подживет – будем продолжать установку.

Женщина легко согласилась, промывав что-то благодарное, и кивнула. Дмитрий Николаевич подумал о засевшем имплантате, и сразу представилась погремушка, большая, грушевидная, похожая на голову пациентки, и одинокая горошина в ней звонко перекатывалась из стороны в сторону. Сдерживая внезапно накативший смех, Дмитрий Николаевич хрюкнул, кивнул в ответ и пошел мыть руки и переодеваться.

Однако невезучий день, вывихнув имплантат у пациентки в челюсти, только набирал обороты. Не успел Торопкой выйти из кабинета, как в конце коридора, в полукруглом холле стоматологической клиники, за такой же полукруглой администраторской стойкой, матово-серой, в цвет стен, взвизгнула администратор Света, взлетел выше ресепшена блестящий поднос, и две кружки дымящегося кофе, и кубики белого рафинада, и все – Света, поднос, сахар, чашки и обжигающий кофе – рухнуло на пол. По стене холла поползло, кривясь и гримасничая, бурое кофейное пятно.

– Дмитрий Николаевич, – жалобно простонала из-под стойки Света, держась за вывихнутую лодыжку. – Простите меня, ради бога.

– Жива? – перегнувшись через ресепшен, спросил Торопкой, наблюдая эволюцию пятна, которое продолжало расползаться по стене.

– Жива, – еще жалобнее протянула Света и шмыгнула носом.

– Ну и славно, – Дмитрий Николаевич помог администратору подняться и усадил ее на крутящийся стул. – Вы только, Светочка, строителей для ремонта сегодня не ищите. День такой, как бы нам совсем без клиники не остаться.

Дальше неприятности пошли одна за другой, точно замочки брекетов нанизывались на соединительную дугу. Терапевт Сережа сломал угловой наконечник, чудом не высверлив пациенту зуб. Пескоструй для снятия зубного налета по непонятным причинам отказался выдавать нужное давление, и записанные на сегодня пациенты не сумели приобрести ни естественный цвет, ни здоровый блеск для своих зубов. Портативный рентгенаппарат выключился, а включиться обратно так и не соизволил, несмотря на уговоры всех без исключения сотрудников, начиная от старшей медсестры и заканчивая вызванным ремонтником гарантийной мастерской. Ремонтник почесал нос, выписал администратору клиники акт приема-передачи с неразборчивой закорючкой подписи, схватил аппарат под мышку и сбежал в мастерскую. Глядя вслед его стремитель-

ной походке, Дмитрий Николаевич тоже решил дезертировать.

Когда машина не завелась, Торопкой даже не расстроился. Он не стал вызывать такси, понимая, что в такой день ему в лучшем случае придет на телефон успокаивающее сообщение «В вашем районе машин не найдено», а скорее всего заказ просто потеряется, потому безропотно закрыл дверь и, не оглядываясь, двинул по улице в сторону метро.

II

Появление героини

На метро Торопкой не ездил давно. Скормив турникету жетон, купленный в окошке кассы у равнодушной теткой, похожей на снулую рыбу в аквариуме рыбного гастронома, Дмитрий Николаевич на эскалаторе погружался в прохладную утробу Города. Мимо плыли многочисленные рекламные щиты, пестрые, кричащие, и Торопкой с изумлением отмечал, что в свои тридцать шесть лет еще не разучился удивляться, разглядывал их с интересом малолетнего ребенка.

Подошел поезд. Мелькнуло напряженное лицо машиниста. Толпа заволновалась и приливом внесла Торопкого в вагон. Дмитрий Николаевич, будто

пловец, заработал локтями, выгребся к середине вагона, ухватился там за поручень и оттуда, со своего обезьяньего наблюдательного пункта, стал оглядываться по сторонам.

Прежде всего он рассмотрел свое отражение в оконном стекле – любимый свитер крупной вязки, купленный в Милане по случаю, высокий лоб, короткая модельная стрижка, трехдневная щетина, следы морского загара из солярия – и в целом остался собой доволен.

Опустил глаза ниже и замер, увидев ее.

Она сидела чуть левее, уткнув носик в какой-то журналчик с тощей девицей на обложке, и читала, иногда по-детски шевеля губами.

Мираж.

Видение.

Видение поправило длинные светлые волосы, собранные на затылке в замысловатый пучок, проткнутый с разных сторон какими-то палочками. Тонкие наманикюренные пальцы в серебряных кольцах скользнули по локонам, тронули вздернутый носик над припухлыми розовыми губами, коснулись белой шеи, по которой тянулась нитка цепочки и пряталась под кофту, туда, где подымалась и опускалась грудь, призывно глядящая вперед и вверх.

Дерзкий холодок пробежал внизу живота Дмитрия Николаевича.

Видение улыбнулось чему-то прочитанному, показав ровные белые зубы.

Поезд остановился на очередной остановке, люди зашевелились, меняясь местами, и Торопкой решительно двинулся вперед.

– Вы позволите? – наклонился он к соседке видения и уселся, втиснувшись между ними. Соседка ойкнула, ткнула Торопкого острым локтем в бок и отодвинулась, рывком выдернув из-под стоматолога свою сумочку.

– Простите, вы не подскажете, эта электричка едет до улицы Владимирская? – спросил Дмитрий Николаевич у видения, придав лицу выражение добродушной растерянности.

– Нет. Не знаю, – ответило виденье, на миг блеснуло кошачьими зелеными глазами и скрылось за журнальным гляncем.

– Жаль, искренне жаль, – вздохнул Торопкой, разглядывая видение и дружелюбно улыбаясь. – Я на улице Владимирской знаю одно местечко, в котором подают отличный кофе по-ирландски. Это такой же кофе, как всякий другой, но с капелькой виски. Знаете, в Ирландии такой вечный холод, что ирландцам приходится постоянно выпивать. Они добавляют виски куда угодно, даже в кашу для младенцев.

Видение рассмеялось и спросило, окинув Дмитрия Николаевича оценивающим взглядом:

– Вы бывали в Ирландии?

– Ждал встречи с вами, чтобы отправиться туда вдвоем, – расплылся в улыбке Торопкой. – Как вы предпочитаете кушать боксти – вилкой или ложкой?

– А что такое боксти? Или кто такой? Я не знаю.

– Так, конечно, вполне могут звать какого-нибудь фокстерьера, но в Ирландии боксти называют традиционное национальное блюдо. Рекомендую употребить с жареными сосисками и со мной, в компании.

– С удовольствием, но в другой раз. К сожалению, моя остановка, – видение пожало точеными плечиками, виновато улыбнулось и встало с сидения.

– Ну, это дело поправимое, – легко согласился Торопкой. – Пускай ваша остановка станет и моей остановкой.

Видение многозначительно улыбнулось, слегка, почти незаметно, кивнуло и поплыло на выход, ловко маневрируя между человеческих локтей и туловищ. Дмитрий Николаевич хотел вскочить с сидения и поторопиться вслед, но – не тут-то было – почувствовал, как кто-то схватил его сзади и не отпускает.

– Что такое? – непонимающе оглянулся Торопкой и встретился с негодующим взглядом соседки.

– Что вы себе позволяете! – возмутилась соседка и потянула на себя свою сумочку.

– Я? – воскликнул Торопкой, чувствуя, как его сзади потянули. – Да это вы!

– Нужно мне очень. Это вы, – еще больше возмутилась соседка и рванула на себя сумку сильнее и резче.

В свитере Дмитрия Николаевича, замечательном миланском свитере крупной вязки, что-то хрустнуло.

– Осторожно, двери закрываются, – лязгнул металлом голос диктора, и поезд тронулся. За окном мимо Торопкого проплыло ничего не понимающее, разочарованное лицо видения.

– Ах ты ж, – взмахнул руками уплывающему видению Дмитрий Николаевич. – Ну день. Ну и день.

– Прекратите дергаться, – слышался сбоку голос соседки. – Вы так себе свитер испортите. Вы за меня зацепились. За мою сумку.

– Что свитер, – отворачиваясь от окна, вздохнул Торопкой. – Я, может быть, всю оставшуюся жизнь себе испортил.

– Это вы про вот эту, прыщавую, у которой три волосины в шесть рядов? – слышался теперь из-за спины голос соседки прямо в ухо Торопкого.

– Ну почему только три? – удивился Дмитрий Николаевич и попытался повернуться.

– Ни-ни, не шевелитесь, свитер порвете, – предупредил голос у уха и продолжил, как само собой разумеющееся: – Конечно, три волосины. Кто ж с нормальными волосами так зализывается, да еще носит на затылке корабельные мачты для объема?! И штукатурки навалила на себя сантиметровым слоем. И зубы у нее все вставные.

– Вот про зубы будьте уверены, зубы у нее все настоящие, свои, – заметил Торопкой. – Ответственно вам заявляю как стоматолог.

– И такое чудо вы собирались кормить боксти. Ирландскими картофельными драниками собирались прикармливать, – хмыкнул голос.

Дмитрий Николаевич, несмотря на протестующий вопль, наконец развернулся и взглянул на соседку внимательнее.

– Кстати, об ирландской кухне, – невозмутимо продолжила соседка, поправив сбившуюся набок гриву волнистых, сургучного цвета волос. – Если вы все-таки доберетесь до этой чудесной страны, не советую пробовать национальное ирландское рагу – обычный наш гуляш и не более того. Обратите внимание на копченую лососину и стейки, они и вкуснее, и к виски подходят лучше.

Поезд уткнулся в очередную станцию с белеными сводчатыми потолками, и все пассажиры заторопились на выход.

– Конечная, – лязгнул голос диктора в динамиках. – Поезд дальше не едет. Просьба освободить вагоны.

Торопкой и незнакомка дружно встали и вышли из вагона. Со стороны казалось, будто женщина конвоирует мужчину под прицелом собственной сумочки, подталкивая его застешкой в спину, точно дулом пистолета.

«Отчего в языке куда-то пропала форма обращения к женскому полу, – размышлял конвоируемый Торопкой. – Вот в англоязычных странах просто. Есть мисс, есть миссис – красиво, элегантно, все улыбаются. А мне, вот как мне ее сейчас назвать? Девушка – не годится. Ей же где-то лет тридцать с умело замаскированным хвостиком. Женщина? Еще обидится и добавит сумкой сзади по голове. Есть все-таки в этих обращениях „женщина-девушка“ какая-то неприятная двусмысленность, словно каждый на вид может определить, было у нее уже что-то или, наобо-